

«ИСКУССТВО И НАУКА – ЭТО ... ДВА ГЛАЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»: К ЮБИЛЕЮ Ю. М. ЛОТМАНА

ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 821.161.1-94. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

Ю. Н. ЧУМАКОВ: ВОСПОМИНАНИЕ О ЗНАКОМСТВЕ С Ю. М. ЛОТМАНОМ

Публикация, примечания и послесловие **Е. Капинос**

А н н о т а ц и я . В статье воспроизводится отрывок воспоминаний Ю. Н. Чумакова, где рассказывается о том, как в конце 1960-х годов Ю. Н. Чумаков познакомился с книгой Ю. М. Лотмана «Лекции по структуральной поэтике», а затем встретился с автором лекций на Пушкинской конференции в Пскове. По мнению мемуариста, «Лекции по структуральной поэтике» Ю. М. Лотмана дали литературоведению 1970-х годов новый язык, который затем мог видоизмениться внутри каких-то других литературоведческих школ, но заложил основу для научного описания художественного текста. Рассмотрение художественного текста определялось с конца 1960-х годов структуралистским подходом. Упомянуто в мемуарах и о кандидатской защите Ю. Н. Чумакова, где Лотман выступал в качестве оппонента (диссертация была озаглавлена «Проблемы поэтики Пушкина: (лирика, “Каменный гость”, “Евгений Онегин”)» и защищалась в Саратове, в 1970 году).

Одна из частей кандидатской диссертации, а также доклад Ю. Н. Чумакова на пушкинской конференции в Пскове были посвящены роли примечаний и «Отрывков из путешествия Онегина» в романе Пушкина «Евгений Онегин». Независимо друг от друга Ю. Н. Чумаков и Ю. М. Лотман пришли к выводу о том, что примечания являются не дополнением, а полноценными самостоятельными частями в составе романа в стихах, наряду с восьмью главами.

К л ю ч е в ы е с л о в а : структурализм; структуральная поэтика; рецепция структуралистских исследований; структуралистские исследования; воспоминания; русская поэзия; русские поэты; литературоведы.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ю. Н. Чумаков: воспоминание о знакомстве с Ю. М. Лотманом / публикация, примечания и послесловие Е. Капинос. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 35-43.

Yu. N. CHUMAKOV: MEMORIES OF MEETING Yu. M. LOTMAN

Publication, notes and afterword by **E. Kapinos**

A b s t r a c t . The article features an excerpt from Chumakov's memoirs, describing how, in the late 1960s, he got acquainted with Lotman's book Lectures on Structural Poetics and then met the author of the lectures at the Pushkin Conference in Pskov. According to the memoirist, Lotman's Lectures on Structural Poetics gave literary studies in the 1970s a new language, which may then have been modified within some other schools of literary studies, but it laid the foundation for the scientific description of the fiction text. Investigation of the fiction text has been characterized since the late 1960s by the structuralist approach. The memoirs also mention Chumakov's defending his

candidate dissertation, in which Lotman acted as an opponent (the dissertation was entitled “Problems of Pushkin’s Poetics: (Lyrics, The Stone Guest, Eugene Onegin)” and was defended in Saratov, in 1970.

One part of Chumakov’s candidate dissertation, as well as his report at the Pushkin conference in Pskov, was devoted to the role of the notes and “Passages from Onegin’s Journey” in Pushkin’s novel “Eugene Onegin”. Independently of each other, Chumakov and Lotman came to the conclusion that the notes are not a supplement, but real independent parts within the novel in verse, along with its eight chapters.

Keywords: structuralism; structural poetics; reception of structural studies; structural studies; memories; Russian poetry; Russian poets; literary studies specialists.

For citation: Kapinos, E. (Ed.). (2022). Yu. N. Chumakov: Memories of Meeting Yu. M. Lotman. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 35-43.

Рассказывать о Юрии Михайловиче Лотмане трудно, мне – трудней, чем о ком бы то ни было. Как всегда, здесь очень важна позиция вспоминающего относительно того, о ком он вспоминает. Десятки раз мы видели, как, говоря о каком-то значительном лице, вспоминающий невольно подменяет это лицо собою и все время говорит о себе: что случилось с ним, почему он здесь оказался, как он реагировал, как он благодарил того-то и того-то, как он ему помогал. И лицо, о котором говорят, невольно перемещается на второй план. Нисколько не лучше позиция, когда вы не сами встаете на котурны, но ставите на них человека, о котором вы пишете, и тоже как-то, может быть, менее заметно, «примазываетесь» к его славе, хотя и остаетесь внизу. Когда говоришь о Лотмане, то просто необходимо найти такую позицию и такую тональность, которая была бы созвучна и ему, и аудитории, которой ты это говоришь или для которой пишешь. Идеальнее всего было бы не допускать излишнего пафоса и не позволять себе «наводить хрестоматийный глянец». Но, с другой стороны, а как приравнять себя к Лотману, ты же знаешь, что это другой человек, «не такой, как ты» (помните, как Скотт Фицджеральд сказал доверительно Хемингуэю: «Богатые – не такие люди, как мы»)¹.

Мое знакомство с Лотманом продолжалось двадцать один год. И где бы мы не встречались: в моем саратовском доме или у него в Тарту, на конференциях или где-нибудь в Публичке, я всегда видел, что он, говоря словами Фицджеральда, «не такой, как я». Это было постоянное ощущение, что Лотман другой: мудрее, старше, а мо-

жет быть – и без возраста.

А в самом деле Ю. М. Лотман – мой сверстник, он старше меня всего на 4 месяца, и я вовсе не должен относиться к нему как младший, что такое 4 месяца? К тому же у нас общая с ним судьба: один год рождения, война, в которой мы уцелели, в то время как наши сверстники в огромном количестве там и остались. А мы вот остались тут – для филологии... Но при том что никакого равенства я с ним не могу чувствовать, я всегда остаюсь с ним равным и прежде всего потому, что это он такой: он не может позволить, чтобы другой проявил какое-то неподходящее чувство.

Сделав такое вступление, я хочу рассказать о нескольких моих встречах с Ю. М. Лотманом. Сначала – о том, как я о нем узнал, потому что было время, когда я о нем не знал, не знал, что он существует, ввиду некоторых особенностей уже моей собственной биографии: моя филология началась довольно поздно и иногда всякими искусственными и внешними поводами прерывалась. Момент, когда я узнал о существовании Юрия Михайловича Лотмана, я помню очень твердо и точно. Я помню солнечный день 1 мая 1966 года в крохотном городишке, затерянном в горах, первомайская демонстрация, колонна, как всегда, долго стоит, и я разговариваю с преподавательницей Пржевальского пединститута – молодой, очень приятной дамой, двадцатисемилетней Татьяной Сергеевной Гвоздиковской. И говорим мы о способах описания стихов. Я хочу еще раз сказать, что примерно лет пять-шесть я совершенно был вне филологии, и поэтому, естественно, не мог еще знать, что в Тартуском университете существует Лотман, который пишет некоторые серьезные историко-литературные сочинения – то о

¹Свободная цитата из рассказа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро».

Кайсарове, то о Руссо, то об эволюции образа Онегина, то о поэтах начала XIX в. И вот Т. Гвоздиковская мне говорит:

– Скажите, Юрий Николаевич, а Вам приходилось читать книгу Лотмана «Лекции по структуральной поэтике»?

– Нет, – я говорю, – впервые слышу и имя автора, и то, что существует «структуральная поэтика».

– А Вы обратите на нее внимание, тем более что эта книга даже имеется в Киргизской государственной библиотеке им. Чернышевского во Фрунзе, почитайте ее.

В то время я только-только переехал в город Пржевальск, в «дебри Тянь-Шаня», как говорили в XIX в., из своего родного университетского Саратова, где всегда до этого жил, а на 44-ом году жизни навсегда этот город оставил. И естественно, что там, в этих «дебрях» (а «дебри» были роскошные: хребты изумительного горного ландшафта, которые видеть – загляденье) это имя окрасилось для меня в какие-то очень яркие тона и очень на меня подействовало. Но сразу до этой книги я не успел добраться. После окончания семестра уехал в короткий отпуск в Саратов, а когда вернулся в Пржевальск, занятий еще не было, и мне было легко отпроситься у своего начальства и даже получить командировку во Фрунзе, мне там общежитие даже какое-то учительское предоставили (надо же было преподавателям знакомиться с материалами для чтения курсов русской литературы). Библиотека мне очень понравилась: светлая, хорошая. А книга Юрия Михайловича явилась буквально откровением¹. У меня до сих пор хранится большая общая тетрадь, где толстыми черными чернилами, вечным пером записан чрезвычайно подробный конспект всех «Лекций по структуральной поэтике».

Эта книга перевернула мое сознание. И теперь я вынужден хотя бы немного сказать, что она со мной сделала, ведь это Лотман сделал, не кто-то другой. Дело в том, что я как раз искал терминологический аппарат, операционные средства для описания устройства и смысла лирического стихотворения – эта была моя личная задача уже на протяжении едва ли не четверти

века. Это был мой постоянный интерес, связанный не с изучением, а прежде всего с чтением поэзии, абсолютно всего, что только было доступно и возможно, и в особенности Серебряного века, 1920-х годов (хотя, разумеется, всего тогда прочесть было нельзя). Многое к 1966-му году я уже сумел прочитать (Вагинова, Мандельштама, например), но описать свое впечатление от этой поэзии, вырастающие из нее какие-то образы и смыслы – этого я не мог. Поэтому результат чтения Лотмана был для меня совершенно оглушительный.

Оглушительный потому, что я не имел инструментального, терминологического аппарата, который можно было бы приложить к тексту так, чтобы этот текст открылся. Терминологический аппарат, который я пытался создавать, был слишком расплывчат, как бы с размытыми краями, не систематизирован, и он не давал должного результата, так что я часто видел, что инструмент анализа действует сам по себе, не открывая смысла, а смысл идет сам по себе, параллельно. У меня могли быть какие-нибудь случайные интересные наблюдения, но самого метода описания текста у меня не было. Попыток было сколько угодно, но четко выстроенных описаний – нет. А Лотман мне это все просто вот так подносит, и я могу это взять и с этими отмычками прийти к закрытому, замкнутому, зашифрованному тексту и попытаться его развернуть в системе каких-то умозрительных понятий. Сразу после прочтения книги я все это сделал и, забегая вперед, могу сказать, что когда Юрий Михайлович ознакомился с моими опытами, то ему это все подошло.

Прочитав Лотмана, я, говоря словами П. Г. Богатырева, пришел в восторг от того, что текст можно видеть «сквозь кристаллическую решетку структуры». В дальнейшем, когда я его метод освоил, у меня пошли какие-то свои вещи – себя никуда не денешь – виденье текста сквозь решетку оказалось в конечном итоге все-таки не моим, и четкая лотмановская структура стала несколько размываться². Но тогда все

¹ Речь идет о «Лекциях по структуральной поэтике» 1964 года. См.: [Лотман 1964].

² Любопытно, что и Лотман почувствовал позже, что манера анализа текста у Ю. Н. Чумакова впоследствии изменилась. В письме Б. Ф. Егорову от 4 октября 1970 г. Ю. М. Лотман пишет: «3.XI – оппонирую в Саратове Чумакову – работа очень хорошая. Вообще

было прекрасно, все главное оставалось достаточно устойчивым, слово «структура» я тоже употреблял, и меня, хоть я и не знал, кто я такой, на протяжении целого ряда лет воспринимали под знаком структурализма. Вот так, с 1966 года, по сути дела, началась моя новая, литературоведческая, филологическая жизнь, жизнь в попытках анализа текста.

Благодаря Лотману у меня все было в руках, и с 1967 года результаты начали появляться. Они появились и в конечном итоге оформились в то, что называется у нас квалификационным текстом, то есть диссертационное сочинение. Когда я предложил свою диссертацию для защиты в родном городе Саратове, точнее, я отдал его Евграфу Ивановичу Покусаеву¹, своему руководителю, или точнее, человеку, который обещал подписать мой текст (с ним у меня не было уже учительско-ученических отношений), ему захотелось, чтобы я защищался в Саратове, хотя одновременно для Саратова это было совершенно неприемлемо. Вся манера Юрия Михайловича, все его внимание к формальной структурной организации художественного текста, причем в обязательном порядке с выходами на смысл, но начиная все-таки с формы как с явленности этого всего и возможности прояснения смысла – это для Саратова, для его традиций историко-общественной мысли (Чернышевский, Герцен, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Рылеев и поехали-поехали дальше) было совершенно неприемлемым. Еще плюс стихи, которыми в Саратове никто никогда не занимался. Но Покусаев (а он был своего рода такой диктатор родом из Астраханской губернии, который выучился у Скафтымова, все от него взял, кафедру в руки взял, Салтыкова-Щедрина разработал, и стало ему, навер-

---

он молодец» [Лотман 1997: 234]. Чуть позже, 6 марта 1979 года, получив «Болдинские чтения» за 1978 г. со статьей Ю. Н. Чумакова [Чумаков 1978] «Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине»», Ю. М. Лотман замечает (вновь в письме к Б. Ф. Егорову): «Статья Чумакова хуже, чем его предыдущие, хотя, конечно, неплохая» [Лотман 1997: 278].

¹ Специалист по творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, профессор Саратовского университета Е. И. Покусаев, был научным руководителем Ю. Н. Чумакова в годы обучения в аспирантуре.

ное, скучно), он говорит: «Хочу, чтобы это защищалось в Саратове. И кого бы нам пригласить в оппоненты? А давайте пригласим Лотмана». Помню, я молчу, а он говорит: «Не пригласить ли нам Лотмана? Вот будет интересно». А я себе думаю: «Еще как будет интересно». «Да, – говорю, – мы можем это сделать, потому что я с Юрием Михайловичем знаком лично».

Здесь мы должны возвратиться почти на год назад, потому что разговор с Покусаевым происходил в феврале 1970 года, а девятью месяцами до этого я впервые встретился с Юрием Михайловичем, и этот эпизод я хотел бы назвать: «Как я впервые увидел Лотмана».

В мае 1969 г. я поехал из Киргизии в Вологду, где В. В. Гура² устраивал огромные конференции, на которых все разнообразие явлений русской литературы должно было сводиться к высшему его проявлению, а именно к реализму. Огромная конференция с массой приглашенных, с множеством секций, все это достаточно помпезно, с экскурсией по реке Шексне в Ферапонтов монастырь, да и сама Вологда тоже необычайно интересна.

Я туда приехал с докладом под названием «О композиции двух посланий “К Чаадаеву”». Мне шел 47-й год, но в силу того, что мое вступление в филологию сильно не по моей воле задержалось, эта конференция стала для меня своего рода филологическим пропуском. Доклад читался в секции у Б. О. Кормана, и как только он был прочитан, слухи о нем распространились и по другим секциям: вот, дескать, какой неожиданный доклад неведомо откуда произнесен, и это интересно. А мне в этот же день нужно было подойти ко всем здесь известному человеку – к Б. Ф. Егорову. Мой коллега, с которым мы вместе приехали, В. Д. Глебов, мечтал поступить к Борису Федоровичу в аспирантуру по Аполлону Григорьеву (так потом и случилось), но сам робел к нему подойти. И вот в перерыве между секциями, после

---

² Исследователь творчества Шолохова, профессор Виктор Васильевич Гура в те годы заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы в Вологодском педагогическом университете. В. В. Гура был выпускником филологического факультета Саратовского университета (выпуск 1949 года).

обеда, когда всех нас повезли на экскурсию в очень живописный Спасо-Прилуцкий монастырь около Вологды, я подошел к Борису Федоровичу, который был тогда человек уже очень известный, которого все знали (а ему через неделю исполнялось всего-то 43 года), он был очень талантлив, весел, отзывчив, у него была большая, кудрявая шапка волос, и когда он выходил из своего номера, вдоль стены по обеим сторонам коридора стояли молодые девушки с рукописями в руках. В общем, Борис Федорович уже тогда был фигурой, и мой коллега просто дрожал и боялся к нему подойти: девицы не боялись, а он боялся. Я к нему подошел и сказал, что вот – человек из Пржевальска, мой коллега, с которым я приехал, он хочет с вами познакомиться и просил меня обратиться к Вам.

22 мая выдался ясный день, хотя и холодный, с пронизывающим ветром, очень яркий. В это время мы только что отошли от могилы К. Н. Батюшкова с ее низким тевтонским крестом, который потом мне вспомнился, когда я был на Сент-Женевьев-де-Буа, на могиле И. А. Бунина. Только у Бунина очертания этого простого и необычного для православных креста еще более четкие, а сверху выгравирован крест православный. Могила Батюшкова вызвала у меня сильное переживание, потому что это один из любимейших моих поэтов – был тогда и остался до сих пор. И тут еще знакомство с Егоровым. Егоров переспросил мою фамилию.

– Так Вы Чумаков?

– Да, – говорю.

– Так Вы, вот только что, прочли доклад. Это необычайно интересно. Мы с Вами еще встретимся, поговорим...

И, правда, поговорили, пока плавали по Шексне на пароходике, в уже начинающиеся белые ночи. Вологда севернее Петербурга, они почти на одной широте. Это был конец мая, и мы застали там очень светлые ночи. Целых два монастыря мы осмотрели: Белозерский, стоящий на самом озере, и Ферапонтов с фресками Дионисия, к которому нужно было ехать дальше, в лес. Это все воспоминания необязательные, в данном случае к Лотману не относятся, а относятся к обстоятельствам, при которых я ближе познакомился с Бо-

рисом Федоровичем. Через день-два мы уезжали из Вологды в Петербург, в поезде оказались вместе, там было еще несколько человек: Ирина Столярова, Н. Н. Скатов, Я. С. Билинkis, еще кто-то. Пока мы ехали, Борис Федорович предложил публике: не согласится ли она послушать, если он, Борис Федорович, уговорит Юрия Николаевича прочитать его доклад, который никто из них не слышал. Все согласились, а Я. С. Билинkis, пробурчав, что он это уже слышал, залез на верхнюю полку и заснул, повернувшись к слушателям и исполнителю спиной. А потом Борис Федорович меня спрашивает:

– А Вы зачем едете в Питер-то, собственно говоря?

– Да я на несколько дней заеду к тетке, люблю Петербург, а потом мне надо в Москву на конференцию в пединститут им. Ленина, где у меня еще один доклад «Пушкин и Тютчев».

Он мне говорит:

– Ну, Вологодская конференция – это еще куда ни шло, а вот в Москву я ехать Вам не советую. Это такие годовые конференции, когда МГПИ считает своим долгом собирать из всяких медвежьих углов самых разных вузовских преподавателей, часто не имеющих доступа к серьезной науке, чтобы они послушали умные речи. А завтра, 27 числа, в Пскове начинается Пушкинская конференция с очень интересным составом. Ее проводит мой друг Е. А. Маймин, зав. кафедрой Псковского пединститута. И там будет мой коллега по Тарту (сейчас я, правда, работаю в Ленинградском пединституте им. Герцена), Юрий Михайлович Лотман. Мне кажется, что если Вы там выступите при Лотмане, то для Вас это будет очень интересно.

– Ну а как же, – я говорю, – поеду без приглашения, приду – здрасьте, хочу прочесть тут чего-нибудь...

– А я Вам сейчас напишу две открытки.

И написал две открытки: одна была адресована Евгению Александровичу, другая – Юрию Михайловичу, и в них он меня им представил.

Я приехал в Петербург, провел там только 1 день, а 27-го (конференция уже началась) поздно вечером я выехал в Псков. В Петербурге я еще провел вечер у

Е. Н. Дрыжаковой и М. Г. Альтшуллера, тоже известных ученых, живущих сейчас в Питтсбурге, в Пенсильвании.

Так получилось, что Псков я проспал, и проводник меня разбудил только в Острове, из Острова я поехал обратно в Псков на автобусе, и мимо меня, видимо (но я тогда этого еще не знал), в автобусе промчалась вся конференция, на которой второй день был объявлен экскурсионным, с поездкой в Михайловское и Пушкинские Горы, чтобы провести там день. Приехав в Псков, я как-то быстро нашел Евгения Александровича и ему представился, а он сказал: «Конечно, Вы можете на этой конференции присутствовать и прочесть доклад, который Вы захотите, а сейчас идите в здание пединститута, поднимайтесь в профилакторий, он на 5 этаже, и там Вам дадут комнату. Кстати, Вы можете сразу представиться Ю. М. Лотману, потому что он в Пушкинские Горы не поехал, чувствует себя неважно. Он там».

И вот в этом профилактории и произошла моя первая встреча с Юрием Михайловичем. Я, конечно, был взволнован – сейчас я его увижу. Постучал – дверь быстро открылась – на пороге стоял небольшого роста человек, в усах, с всклокоченными волосами, очень напомнивший мне Эйнштейна (ну, это все знают, все говорили и везде писали). Это было утро, и он был в тот день, действительно, нездоров. Он, наверное, только что проснулся и был одет в черные узкие трикотажные так называемые «тренировочные штаны», в которых ходил весь Советский Союз, мужчины и женщины. А еще на нем была нижняя рубашка, к тому же расстегнутая. И он, увидев незнакомое лицо, нервно отшатывается, закрывая рукой расстегнутый ворот, и застывает, и лицо у него напряженное и не очень любезное. И незнакомец ему говорит:

– Прошу Вас меня извинить, к тому же Евгений Александрович сказал, что Вы нездоровы, но мне необходимо Вам представиться. В дороге от Вологды до Петербурга Борис Федорович написал в связи с моим здесь появлением вот эту открытку, которую я хочу вам передать, и вот этот журналчик, который я посмел надписать

вам¹. – И он, одной рукой держа свой ворот, другой берет все, что я ему даю, и снова смотрит на меня выжидательно, но ничего не говорит.

– Спасибо, – потом говорит, кланяясь. Лицо у него отдаленное.

А я говорю:

– Еще раз извините, к тому же Вы нездоровы, но все равно, я должен Вам передать это...

Он кивает головой, и все. Закрыв дверь, все кончилось. Я иду к себе.

И он, и я жили в больших комнатах профилактория, в каждой из которых стояло штук по шесть железных кроватей известного образца, солдатских таких, но каждому давали аж по целой такой комнате. И я в связи с тем, что ночь была коротка, а я утомился с дороги, тоже решил раздеться и лечь спать, и пока я раздевался прошло минут 15. И вдруг в дверь нервно и быстро постучали. Я так изумился, что совершенно не думая о том, как я выгляжу, открываю дверь, и теперь вся ситуация выглядит инверсированной, теперь я стою и не знаю, что мне закрывать. На пороге стоит Лотман, одетый уже в брюки и рубашку, что-то держит в руках (позже выяснилось, что мой журналчик), и как только я ему открываю, он, даже не дожидаясь, пока я ему скажу что-нибудь, моментально оказывается на середине комнаты, а я бегу обратно в постель и ложусь в нее. В этой смехотворной ситуации Юрий Михайлович говорит:

– Как только Вы оставили мне этот журнал, я решил посмотреть, что там такое. И Вы меня совершенно изумили, я вообще был потрясен, – он мне говорит, – я смотрел и глазам своим не верил.

– А в чем дело-то? – спрашиваю я из-под одеяла.

– Да, видите ли, я привез сюда доклад о примечаниях Пушкина к стихотворным его вещам. Сначала я говорю о «Бахчисарайском фонтане», потом о «Полтаве», о «Медном всаднике», а завершаю ролью примечаний в «Евгении Онегине». И вдруг я вижу, все это напечатано, причем напечатано так, что уже нечего сказать.

¹ Речь идет о журнале «Русский язык в Киргизской школе», где была напечатана статья Ю. Н. Чумакова «О составе и границах текста “Евгения Онегина”» [Чумаков 1969: 32-33].

Еще он сказал мне, что «писал это иначе», но увидел, что все ходы, которые должны быть в его докладе, они уже есть в этой статье и очень похожи (это, конечно, не случайно: ведь я все-таки у него чему-то и научился).

– Такого со мной никогда не было, что это такое? – говорит Лотман и, высказав, начинает спрашивать, кто я, откуда, почему... Я коротко рассказал, кто я, откуда и почему.

– Понятно, – говорит он. – А что Вы здесь намерены прочесть на этой конференции?

– У меня доклад «Пушкин и Тютчев», я здесь не хотел его читать, все-таки это пушкинская конференция, и, может быть, надо повторить вологодский доклад о двух посланиях «К Чаадаеву»¹.

– Не делайте этого.

– Почему?

– Да потому, – говорит, – что Вы должны прочесть вот это. Вслух.

– Юрий Михайлович, я как-то так привык к тому, что напечатанное уже не может быть докладом.

– Ну, есть такие правила. Но Вы же привезли этот журнальчик из Киргизии, его никто в глаза не видел и слыхом бы о нем не слышал, если бы Вы сами с ним не приехали. Так что Вы имеете право просто читать это по тексту, прямо так, как это напечатано, без всяких пояснений.

– Да?

– Да, да. Читайте прямо слово в слово.

– Но это будет довольно быстро, – говорю.

– Не имеет никакого значения. Вы должны произнести этот текст, то есть я Вам советую произнести именно этот текст так, как он напечатан.

– Спасибо, – говорю, – я последую вашему совету.

Мы расстались на целые сутки, которые мне уже трудно вспомнить, как я их провел, потому что публика была вся в Пушкинских Горах, приехала только поздно вечером. Юрий Михайловича я больше не видел, к Маймину, по-моему, тоже не

ходил. Наверное, погулял по городу и вернулся обратно.

На другой день состоялось заседание. Прошло два доклада, и третьим говорил Юрий Михайлович. Его доклад назывался «О диалогических отношениях в примечаниях к поэмам Пушкина», и он начал таким образом: «Вообще доклад этот назывался немного иначе, потому что после поэм еще следовало “и в ‘Евгении Онегине’”, но вчера мне стала известна уже напечатанная в Киргизии небольшая работа Ю. Н. Чумакова (который сюда приехал и здесь присутствует), и в ней тема онегинских примечаний объяснена коротко и исчерпывающе. Поскольку это уже опубликовано и спорить не о чем, и я думаю примерно то же, то всю часть об “Онегине” я из своего доклада убираю. А Ю. Н. Чумакову я предлагаю с этим текстом ознакомить публику на вечернем заседании». После этого он стал читать свой доклад, а я думал о том, что, надо же – какую рекламу я получил, и как теперь меня будут слушать, и насколько возросла ответственность. Причем я должен делать для меня вещь невозможную – читать печатный текст. Но это было правильно: обычно-то я говорю, и получается иногда ничего, а иногда – проваливаюсь. В сущности, это была тезисная форма, но зато выражено там все, действительно, очень отчетливо и ясно.

Вечером мне дали слово, и я стал читать по напечатанному. Ну, конечно, я сказал сначала два каких-то слова, где-то в середине я сделал шаг в сторону, и сказал что-то своими словами (иногда я такими вещами очень злоупотребляю, но в данном случае не злоупотреблял, момент чувствовал), и читал до конца. На «все про все» ушло 17 минут, доклад-то еще был идеальный по размерам, кроме того, он был ясен и четок. В принципе это был один из лучших текстов, которые я когда-либо писал в той конденсированной манере, которую отметил в моих писаниях Александр Павлович Чудаков через много-много лет после этого знакомства. Мне задавали вопросы. Я был вообще-то достаточно хорошо ориентирован в своей теме. Она у меня разворачивалась как бы от Тынянова, как это, в сущности, потом и разворачивалось у меня позже. Но уже тогда я как бы заново

¹ Содержание доклада отражено в статье «Композиция двух посланий к Чаадаеву и эволюция пушкинского стиля» [Чумаков 1970: 92-107].

открыл одну тыняновскую идею об «Отрывках из путешествия» и «Примечаниях» как о конце «Онегина», конце художественном, об этих частях, равноправных с другими восьмью главами. Получилось, что после Тынянова эту идею я заново «разработал», никогда не удается открыть ничего собственного, утешаешься только тем, что идеи всегда плавают мимо тебя или лежат где-то на полках, и их уже снимали, потом положили обратно, теперь ты их снова взял через много лет и прочел по-своему, и объяснил по-своему.

Мне остается прибавить, что мне не пришлось ждать до утра, как Байрону, к концу этого вечера я уже был знаменит. А о том, что это было так, свидетельствует, что еще до доклада я был приглашен вместе с интимным кругом участников конференции, близких Евгению Александровичу Маймину, на обед, а 30 мая, когда конференция завершалась, меня попросили председательствовать на последнем заключительном заседании. Вот, наверное, это все, что можно было рассказать о первой моей личной встрече с Лотманом, как она началась, чем закончилась.

Какая-то судьба из самого сердца Тянь-Шаня привела меня сначала в Вологду, потом в Псков, и вот эти два шага оказались достаточными, чтобы из абсолютной неизвестности (у меня даже и степени никакой не было) можно было бы шагнуть в литературоведение. Поэтому, когда Е. И. Покусаев предложил, чтобы оппонентом на моей защите был Ю. М. Лотман, я, конечно, согласился. А Покусаев усмеялся, предвкусывая, какая тут будет сенсация в Саратове, когда явится известный структуралист, который по всем понятиям совершенно не совпадает ни с какими позициями саратовской школы (как, впрочем, и диссертация бывшего саратовца Чумакова). Но о защите, которая тоже стоит того, потому что в ней тоже участвовал Юрий Михайлович, я должен сказать в следующий раз.

Послесловие.

Этот устный рассказ Юрия Николаевича Чумакова я записала 16 февраля 2005 года. Юрий Николаевич часто говорил о Ю. М. Лотмане: о своей кандидатской защите, где Лотман оппонировал, о

конференциях в Тарту и Санкт-Петербурге, где они многократно встречались, о защитах учеников Лотмана, о похоронах Зары Григорьевны Минц, где Ю. Н. Чумаков присутствовал вместе со своей женой, Элеонорой Илларионовной Худошиной. Вплоть до последних лет Элеонора Илларионовна и Юрий Николаевич дружили с Б. Ф. Егоровым, и уже в 2000-х я была свидетелем того, как, принимая у себя в гостях в Новосибирске «Борфед», в воспоминаниях они возвращались к тому сильному впечатлению, которое произвели когда-то на них первые структуралистские книги Ю. М. Лотмана.

Отрывок, который мы здесь печатаем, должен был стать первой частью мемуаров о Ю. М. Лотмане, но до следующих фрагментов дело как-то не дошло, может быть, потому, что первый эпизод был всего важнее для Юрия Николаевича: именно с первого чтения работ Лотмана, случившегося, когда Юрий Николаевич жил в горах Тянь-Шаня и преподавал в одном из самых западных пединститутов – Пржевальском, и началось его серьезное литературоведение. Чтение только что вышедших «Лекций по структуральной поэтике» [Лотман 1964] оказалось в литературоведческой биографии Юрия Николаевича решающим, «структурализм дал мне тогда язык», – часто говорил он впоследствии.

В воспоминаниях речь идет об опубликованной в Киргизии первой статье Ю. Н. Чумакова о «Евгении Онегине», ее напечатал Л. А. Шейман в своем журнале «Русский язык в киргизской школе» (1969) [Чумаков 1969: 32-33]. Написанная чрезвычайно сжато и в то же время с удивительной ясностью, эта статья содержала в себе зародыш и программу всех последующих работ об «Онегине».

Защищенная диссертация [Чумаков 1970], которую оппонировал Ю. М. Лотман, представляла собой трехсотстраничный труд, в котором исследовалась стихотворная поэтика Пушкина и ее реализация в лирике, стиховом эпосе и драме. Самой заметной частью этой работы стала глава об «Онегине». А начиналась пушкинистика Ю. Н. Чумакова со знакомства с Ю. М. Лотманом, сначала заочного, а затем и очного. И об этом его мемуарный рассказ.

Литература

- Лотман, Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1982. – 256 с.
- Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике: Введение. Теория стиха / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1964. – 195 с. – (Сер. «Труды по знаковым системам»).
- Лотман, Ю. М. Письма. 1940–1993 / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
- Чумаков, Ю. Н. Композиция двух посланий к Чаадаеву и эволюция пушкинского стиля / Ю. Н. Чумаков // Метод и мастерство. Вып. 1: Рус. лит. – Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1970. – С. 92-107.
- Чумаков, Ю. Н. О составе и границах текста «Евгения Онегина» / Ю. Н. Чумаков // Русский язык в киргизской школе. – 1969. – № 1 (57). – С. 32-33.
- Чумаков, Ю. Н. Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине» / Ю. Н. Чумаков // Болдинские чтения / Болдин. музей-заповедник А. С. Пушкина ; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Горький, 1978. – С. 75-90.
- Чумаков, Ю. Н. Проблемы поэтики Пушкина: (лирика, «Каменный гость», «Евгений Онегин») : дис. ... канд. филол. наук / Чумаков Ю. Н. ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1970.

References

- Chumakov, Yu. N. (1969). O sostave i granitsakh teksta «Evgeniya Onegina» [On the Composition and Boundaries of the Text of “Eugene Onegin”]. In *Russkii yazyk v kirgizskoi shkole*. No. 1 (57), pp. 32-33.
- Chumakov, Yu. N. (1970). Kompozitsiya dvukh poslanii k Chaadaevu i evolyutsiya pushkinskogo stilya [Composition of Two Epistles to Chaadaev and the Evolution of Pushkin’s Style] In *Metod i masterstvo*. Issue 1: Russkaya literatura. Vologda, Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii iniversitet, pp. 92-107.
- Chumakov, Yu. N. (1970). *Problemy poetiki Pushkina: (lirika, «Kamenniy gost’», «Evgenii Onegin»)* [The Problems of Pushkin’s Poetics: (Lyrics, “The Stone Guest”, “Eugene Onegin”)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Saratov.
- Chumakov, Yu. N. (1978). Poeticheskoe i universal’noe v «Evgenii Onegine» [Poetic and Universal in “Eugene Onegin”]. In *Boldinskie chteniya*. Gorky, pp. 75-90.
- Lotman, Yu. M. (1964). *Lektsii po struktural’noi poetike: Vvedenie. Teoriya stikha* [The Lectures on Structural Poetics: Introduction. The theory of verse]. Tartu. 195 p. (Ser. «Trudy po znakovym sistemam»).
- Lotman, Yu. M. (1982). *Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiya pisatelya* [Alexander Sergeevich Pushkin. Biography of the Writer]. Leningrad, Enlightenment. 256 p.
- Lotman, Yu. M. (1997). *Pis’ma. 1940–1993* [The Letters. 1940–1993]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury. 800 p.

Данные о составителе

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: dzerv@mail.ru.

Compiler’s information

Kapinos Elena Vladimirovna – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Дата поступления: 22.02.2022; дата публикации: 30.03.2022   Date of receipt: 22.02.2022; date of publication: 30.03.2022